

ХОРОШО, КОГДА ПАПА ПИШЕТ МУЗЫКУ И ЛЕТАЕТ НА ПЕРЕПОНЧАТЫХ КРЫЛЬЯХ

С КРЫЛЬЯМИ получалось смешно. Маленький Игорь стоял с мамой в длинной магазинной очереди и от нечего делать вел философскую беседу:

— А какие крылья у ласточек?

— Острые и узенькие...

— А у летучих мышей?

— Широкие и перепончатые, — терпеливо отвечала мама.

— Как у нашего папы? — обрадовался он.

— Да-да... — отмахнулась она, заметив, как очередь в ужасе расступилась.

Что объяснять? Ведь у папы действительно были такие крылья. В фильме Юрия Мамина «Фонтан». Папа — артист и композитор Алексей Заливалов.

Сейчас Заливалову-младшему почти семь. Дочке Наташе — десять. Оба они занимаются музыкой, впрочем, Наташа не скрывает, что мечтает быть актрисой. Ничего удивительного, если знать, что музыка, кино и театр всегда живут в этой семье, потому что мама (кстати, тоже Наташа — как шутит Алексей, удобно, не запутаешься) — пианистка, училась вместе с папой в Консерватории, а сам папа... Да, чего уж про него говорить — и так все его знают.

Алексея Заливалова трудно не запомнить. И потому, что внешность у него эффектная, и потому, что часто его можно увидеть в спектаклях, кинофильмах, телепрограммах. Но несмотря на то, что за его плечами десятки сыгранных ролей, в первую очередь он воспринимается как человек-оркестр, который сам пишет музыку, поет свои песни и играет на многих музыкальных инструментах, — этаким музыкальным эксцентрик.

Зная Алексея много лет, я все-таки была удивлена, что ему уже тридцать пять, что им написана музыка к пятнадцати фильмам, восьми мюзиклам (последний нынче репетируется в Театре комедии) и сорока шести спектаклям.

— Почему бы и нет? Ведь я закончил Консерваторию как композитор. Учился сначала у Бориса Тищенко, потом у Владислава Успенского. Другое дело, что еще со школы я «болел» театром...

— И из-за этого ты был, мягко говоря, выставлен из последнего класса школы при Консерватории?

— Да. В семнадцать лет я, что называется, дорвался. В ту пору мы ставили с друзьями «Пир во время чумы», и мне было не до скрипичных пассажей.

— Ты так говоришь, будто до этого театр был тебе недоступен...

— Напротив, каждое воскресенье моя мама водила меня в оперу. До сих пор вспоминаю удивительные, почти живые, облака на декорациях в опере Шапорина «Декабристы», да и Ленина, распевającego в Разливе «жестокый романс» в «Октябре» Мурадели. Но когда в опере Направника «Дубровский» начинала гореть усадьба Троекурова, моему восторгу не было предела — я отчаянно хлопал в ладоши.

— Тебе бы все шутки шутить!

— Совсе нет. Театр был одухинной, прочее время в детстве я проводил очень замкнуто, в маленьком мирке, где были только занятия и школа. Поэтому я с благодарностью вспоминаю Витю Харитонову, который приютил меня в своем «Эксперименте». Именно там, неожиданно для себя, я начал одновременно играть на скрипке или рояле и проносить роль. Спасибо и актерам — они всегда мне помогали.

— По-моему, ты разбрасываешься...

— Приходится распределять каждую минуту. Даже когда еду в троллейбусе до «Электросилы», мысленно пишу музыку.

Машины у Алексея нет. Дома — взятый напрокат рояль.

Считает, что бизнесмен из него никудышный — характер не тот. Иначе бы не пасовал, когда дело доходит до гонораров, и не позволял бы, чтобы ему их... вообще не платили. А еще, всю серьезную музыку — оперы, симфонические и вокальные произведения — он пишет, увя, что называется, «в стол». Практически все, что сегодня звучит, сделано им на заказ. Но, что удивляться, великий Гайдн тоже работал по заказам...

— Сравнила! По нашим меркам Гайдн имел собственную фирму грамзаписи. У нас нет этих возможностей. Наша культура действительно находится в глубоком кризисе. А то, что у меня нет, например, синтезатора, даже хорошо. Только живой инструмент дает богатство музыкальных образов, позволяет фантазировать тембрами целого оркестра. Я всегда был за чистоту жанра и считаю, что для композитора синтезатор то же, что для художника — не полотно, а компьютер.

К слову пришлось одна забавная история из жизни Алексея Заливалова. Несколько лет назад, то ли в шутку, то ли всерьез, предложил ему Юрий Темирканов попробовать в дирижеры. И правда — образование музыкальное есть, способности и артистизм тоже, техникой — овладеет. Пришел на вступительные экзамены с выученной симфонией Дворжака. Встал за пульт — серьезный и вдохновенный. «И что ты думаешь? Артистизм подвел:» когда дошел до самого трагического места, так замаяхнулся на группу альтов, что альтистка в ужасе закричала, прикрыв инструментом лицо. Дальше ни я, ни оркестранты играть уже не могли.

Еще из веселых эпизодов своей жизни он любит вспо-

минать о том, как на съемках фильма «Дорога в Парадиз» проехался без страховки по улицам Одессы на броневике, за что местные омоновцы (бывшие по совместительству на картине каскадерами) записали его в свои почетные члены. А из серьезных — пожалуй, работу в фильме Михаила Швейцера «Как живет, караси», где с огромным страхом и риском играл молодого Галича, Маленький черно-белый эпизод. Заливалов тогда не был указан в титрах, и считает это самой главной аккуртностью режиссера. Увы, но с титрами последнего фильма Юрия Мамина «Окно в Париж», который на днях был впервые представлен публике, получилось другое — нелепая ерунда. Зная, что Алексей создал и поставил там практически все музыкальные номера, мы были изумлены, узнав, что композитором у нас стал... сам Юрий Мамин.

— Так что ты любишь больше всего: кино, театр, чистую музыку?

— Все люблю. Нет, музыку, наверное, больше. Или кино... Я люблю быть на съемочной площадке, даже если не играю роль, а просто пишу к втому фильму музыку. А может быть, я просто люблю ярких людей. Талантливых. Неожиданных. Личность всегда мыслит оригинально, и я всегда рад быть ее сподвижником. Но грустно оттого, что у талантливых людей сегодня все меньше шансов выжить. И нет гарантий на будущее. Что ж, если так пойдет и дальше, то наш народ рискует скоро видеть представления только со съездов...

Не хотелось снова говорить о грустном. Вряд ли наши переживания изменят что-либо. Эти размышления мы отошлем в начальственные кабинеты. Впрочем, в который раз?

— Алексей, но ты ведь популярен. Это ли не победа?

— Популярность — тоже палка о двух концах. В транспорте узнают — хихикают, а когда надо позарез что-то без очереди взять, так публика ошестинивается: «Знаем мы нас, тут артистов полный магазин!» — и он рассмеялся, подхватив на руки дочку.